

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 99–112.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 1 (82). P. 99–112.

Научная статья
УДК 13/908
doi: 10.54398/1818-510X.2025.82.1.010

САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Романова Анна Петровна^{1✉}, *Черничкин Дмитрий Алексеевич*², *Рогов Александр Владимирович*³

^{1–3} Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева,
г. Астрахань, Россия

¹ aromanova_mail@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8537-4893>

² chernichkin95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

³ alexr.89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3512-8317>

Аннотация. Основной целью данной статьи является выявление тенденций в выстраивании иерархии базовых идентичностей и оценки специфики национальной / этнической идентичности в общественном мнении населения стран постсоветского Прикаспия. Статья написана на основе результатов серии полевых социологических исследований, проводимых при поддержке РНФ в 2022–2024 гг. в российском Прикаспии (Астраханская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия), Республике Казахстан, Туркменистане и Азербайджанской Республике. Результаты исследования показали, что в общественном мнении большинства населения постсоветского пространства Каспийского региона складывается определенная иерархия базисов (измерений) конструирования идентичности, где ведущим является гражданская идентичность, которую связывают, прежде всего, с рождением и проживанием на данной территории, и только потом с наличием гражданства. Второй по значимости в Казахстане и Туркменистане неожиданно оказалась идентичность «советский народ», а в России и Азербайджане – национально-этническая идентичность, которая во всех каспийских постсоветских регионах формируется на основе культурных традиций, национального менталитета и языка. Такие особенности конфигурации базисов идентичности могут являться как дефрагментирующим каспийский социум фактором, но также и послужить консолидирующим фактором в противостоянии доминированию нетрадиционных тенденций в глобальном мире.

Ключевые слова: идентификации, национальная идентичность, гражданская идентичность, Каспийский регион, Россия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, советский народ, базисы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Для цитирования: Романова А. П., Черничкин Д. А., Рогов А. В. Самоидентификации населения на постсоветском пространстве Каспийского региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 1 (82). С. 99–112. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.82.4.010>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

SELF-IDENTIFICATION OF THE POPULATION IN THE POST-SOVIET SPACE
OF THE CASPIAN REGION

Anna P. Romanova^{1✉}, Dmitry A. Chernichkin², Alexander V. Rogov³

¹⁻³Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹aromanova_mail@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-8537-4893>

²chernichkin95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

³alexr.89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3512-8317>

Abstract. The main objective of this article is to identify trends in building a hierarchy of basic identities and assess the specifics of national / ethnic identity in the public opinion of the population of the post-Soviet Caspian countries. The article is based on the results of a series of field sociological studies conducted with the support of the Russian Science Foundation in 2022–2024 in the Russian Caspian region (Astrakhan Region, the Republic of Dagestan, the Republic of Kalmykia), the Republic of Kazakhstan, Turkmenistan and the Republic of Azerbaijan. The results of the study showed that in the public opinion of the majority of the population of the post-Soviet space of the Caspian region, a certain hierarchy of bases (dimensions) for constructing identity is formed, where the leading one is civic identity, which is associated, first of all, with birth and residence in a given territory, and only then with citizenship. The second most important identity in Kazakhstan and Turkmenistan unexpectedly turned out to be the “Soviet people” identity, and in Russia and Azerbaijan – the national-ethnic identity, which in all Caspian post-Soviet regions is formed on the basis of cultural traditions, national mentality and language. Such features of the configuration of identity bases can be both a factor defragmenting the Caspian society, but also serve as a consolidating factor in opposing the dominance of non-traditional trends in the global world.

Keywords: identification, national identity, civil identity, Caspian region, Russia, Kazakhstan, Turkmenistan, Azerbaijan, soviet people, bases.

Acknowledgments: the study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 “The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security”.

For citation: Romanova A. P., Chernichkin D. A., Rogov A. V. Self-identification of the population in the post-soviet space of the Caspian region. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 1 (82), pp. 99–112. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.82.1.010>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Проблема, связанная с пониманием процессов конструирования новых идентичностей в трансформирующемся мире, становится всё более актуальной в связи с изменяющейся геополитической ситуацией. В каждом социогеографическом, культурном и политическом пространстве конструируется собственная идентичность, имеющая тем не менее общий набор базовых элементов: гражданскую, национальную, этническую, конфессиональную, региональную, политическую идентичности. В научной литературе существуют определённые сложности с пониманием статуса элементов этой иерархии. В некоторых исследованиях национальную, гражданскую, этническую, конфессиональную и т. д. идентичности квалифицируют как самостоятельные, особые формы идентичности, имеющие свою типологию [1; 2; 13]. Другие исследователи квалифицируют их как измерения идентичности [4]. В данной статье мы не будем касаться вопроса о статусе его базовых элементов, поэтому допускаем использование и понятия идентичности, и «измерение идентичности».

В исследовательских подходах не только в рамках категориального анализа, но и к иерархии измерений и к их конфигурациям, нет единства. Прежде всего

это касается проблемы соотношения гражданской, национальной и этнической идентичности или их измерений. Единого общепринятого подхода к этой проблематике не существует. Следует заметить, что в большинстве концепций рассматриваются какие-либо два понятия из этой триады: гражданское измерение сопоставляется с национальным, или, сливаясь с национальным, соизмеряется с этничным. Гражданское измерение идентичности более подвижно и ситуативно – свою гражданскую принадлежность можно менять, иметь несколько гражданств. Можно также утверждать, что процесс формирования гражданской идентичности теснее связан с политическими реалиями, в которых находится человек [20]. Принимая гражданскую идентичность, ты формально принимаешь и национальную идентичность, как идентичность большинства. Этническая идентичность в традиционном обществе даётся с рождения. Конечно, в случае межэтнического брака вопрос усложняется, а степень значимости того или иного измерения тоже может быть ситуативной. Однако в современном глобализованном обществе и этническая идентичность также легко «политизируется» и меняется вслед за политическими событиями [18; 19].

Таким образом, гражданское и национальное измерения идентичности рассматриваются либо как тождественные понятия [3], прежде всего когда нация позиционируется как согражданство (как в концепциях Б. Андерсона, А. Смита, Э. Гелленера), либо как рядоположенные [17]. В случае объединения понятий «гражданское» измерение с «национальным», этническое измерение может включаться в гражданско-национальную идентичность, растворяться в ней [10, с. 4–5], а может рассматриваться как рядоположенное [6].

В нашем исследовании в иерархии измерений идентичностей мы выделяли отдельно гражданскую и отдельно национальную / этническую с учётом специфики Каспийского региона и диахронными процессами его формирования. В данном исследовании нас интересует структура иерархической системы измерений идентичностей с позиции её носителей-населения постсоветского Прикаспия. Термин «постсоветский» имеет в данном случае не столько социально-политический, сколько территориальный смысл, исключающий из анализа Иран. Конфигурация и, соответственно, значимость этой системы в оценке представителей того или иного сообщества может быть разной и стать лакмусовой бумажной тех социальных перемен, которые происходят в их государственных образованиях в современных условиях. По сути та или иная идентичность как иерархически осмысленная совокупность представляет собой некий ценностный ориентир, «градусник (или “барометр”, по выражению Л. М. Дробичевой) для определения “температуры” общественного развития и устойчивости его поступательного движения от рубежа к рубежу» [4, с. 18].

Целью нашего исследования было выявление тенденций в выстраивании иерархии базовых идентичностей и оценки специфики национальной / этнической идентичности в общественном мнении населения стран постсоветского Прикаспия.

Методы и дизайн исследования

Основным методом наряду с аналитическим и методом сравнительного анализа, являлся комплекс социологических методов:

1. Серия количественных опросов в форме электронного анкетирования, проведенных в период с 2022 по 2024 г., целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в постсоветских странах Каспийского региона. Объём выборочной совокупности составил 2 140 респондентов, в том числе в Казахстане, Азербайджане, России¹ и среди туркменских студентов², обучающихся в России. В качестве объекта исследования выступали граждане вышеобозначенных стран.

¹ В Российской Федерации опрос проводился в трёх субъектах РФ, имеющих выход к Каспийскому морю, – Астраханской области, Республике Дагестан и Республике Калмыкия.

² Проведение полевых исследований непосредственно на территории Туркменистана не представляется возможным по причине относительной закрытости данной страны.

Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (граждане Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, России), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов.

2. Серия фокусированных групповых интервью, проведённая на территории Казахстана (7), Азербайджана (5), России (8), а также шесть фокус-групповых интервью со студентами из Туркменистана, обучающимися в различных российских университетах (Астрахань, Майкоп, Краснодар). Выборочная совокупность исследования была гомогенна по таким признакам, как гражданство участников и возраст.

Результаты исследования

Базисы конструирования идентичности

Поскольку Каспийский регион – полиэтничный и многонациональный, со сложной конфессиональной структурой, мы первоначально попытались выяснить, какова иерархия измерений (базисов) идентичности в регионе, т. е. какие факторы самоидентификации его жители видят для себя наиболее значимыми. Для этого участникам исследования предлагалось распределить по степени важности утверждения о том, кем они считают себя в первую и последнюю очередь (оценить утверждения по шестибалльной шкале, где 1 – это наиболее важная степень, 6 – наименее важная степень, шесть вариантов самоидентификации) (см. табл. 1).

Таблица 1 – Иерархия базисов конструирования идентичности в странах Каспийского региона

Утверждение	Степень важности (ранг)			
	Россия	Казахстан	Туркменистан	Азербайджан
Я – гражданин своей страны	2,13	2,52	1,09	2,23
Я – советский человек	4,66	2,96	2,18	4,41
Я – житель своего региона (области)	2,81	3,04	3,04	3,05
Я – представитель своего этноса (национальности)	2,79	3,09	3,94	2,56
Я представитель своей веры (религии)	3,49	3,25	4,83	3,06
Я – представитель определенных политических взглядов (например, Я – коммунист / Я – либерал и др.)	5,12	3,87	5,93	4,09

Можно отметить, что наиболее важной для респондентов из всех стран оказалась именно гражданская идентичность, причём коэффициент степени значимости данной позиции оказался самым высоким у респондентов из Туркменистана (1,09), возможно как в силу того, что до возникновения СССР это была совокупность племён, получившая собственную государственность только после его распада, так и на фоне страха респондентов быть пойманными на критике государственного строя страны, что неоднократно подтверждается их опросами.

Важность этнической / национальной идентификации располагается на втором месте у респондентов из Азербайджана (2,48) и россиян (2,79), проживающих в регионах Прикаспия. Возможно, как показывают наши исследования, в Азербайджане это связано со спецификой формирования исторической памяти на основе непреходящего значения травмы карабахского конфликта [9], имеющего этническую окраску. Российский же Прикаспий полиэтничен, и в силу этого этническая принадлежность для этой части российских респондентов является весьма важным идентификационным маркером. Что касается казахов и туркмен то эти страны более моноэтничны и социальная стратификация у них проходит не по этническим признакам, а по родоплеменной структуре.

Поскольку этнические группы Прикаспия проживают в конкретных регионах на пространственно локализованных территориях, это в определённой степени объясняет, почему практически на один уровень с этнической по значимости выходит региональная идентификация. Разница между ними несущественная. Равенство значимости этнической и региональной идентичностей характерно для респондентов из Казахстана. На наш взгляд, это связано с историческим расселением жузов (кланов) и ру (родов) на территории республики, которое, по мнению исследователя Е. В. Лубенец, является «одним из главных факторов формирования коллективных идентичностей, а также важной причиной раскола в казахстанском обществе» [7]. Региональная идентичность более значима, чем этническая, для респондентов из Туркменистана, поскольку регион проживания напрямую связан с историческими племенами, культурными и диалектными особенностями.

Мы включили в перечень не существующее на данный момент, но оставшееся в исторической памяти народов измерение идентичности – «советский народ», которому мы предполагаем посвятить отдельную статью применительно к Каспийскому региону. Не останавливаясь на этом измерении подробно, мы не можем не заметить несколько парадоксальный результат опроса: для респондентов из Туркменистана (2,18) и Казахстана (2,96) – это вторая по значимости самоидентификация, которая, в свою очередь, достаточно предсказуемо является совсем незначимой для азербайджанских респондентов (4,32), которые в фокус-групповых интервью показывали более нейтральные, а порой и негативно окрашенные взгляды на советское прошлое, нежели их соседи по Каспию:

- *«когда мы в составе были Советского Союза, многие наши ресурсы мы сами не использовали ... никто не вкладывался в Баку, все вкладывались в Москву»* (ФГ-1, Азербайджан);

- *«...в советское время власть любила разделять народы. Не очень удачно, и много примеров, когда в будущем это очень плохо становилось для обоих народов»* (ФГ-4, Азербайджан).

Удивительно, однако, что ещё более незначимой она является для российских респондентов (4,66), несмотря на рост «советской ностальгии» в стране [11; 14]. Только 4,8 % опрошенных указали её как наиболее значимую. Мы полагаем, что низкий процент самоидентификации респондентов с советской идентичностью можно объяснить смещением выборки в сторону молодёжи (85 % от общего числа опрошенных в России), которая родилась уже после распада СССР, а также преобладанием несколько иных исторических событий, являющихся наиболее важными для респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2 – Какие исторические события, по Вашему мнению, являются значимыми для народа Вашего региона? (Открытый вопрос, %)

Республика Калмыкия		Республика Дагестан		Астраханская область	
Депортация калмыков в Сибирь (28 декабря 1943 г.)	38,7	Кавказская война 1817–1864 гг.	15,2	Распад СССР 1991 г.	13,1
Великая Отечественная Война 1941–1945 гг.	11,6	Присоединение Дагестана к Российской империи 1813 г.	9,1	Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	6,7
Возвращение населения в Калмыкию после депортации	9,7	Вторжение арабов на Кавказ 642 г.	6,1	Военные действия на территории Украины (СВО)	6,7
Вхождение Калмыков в состав Российской империи в 1609 г.	5,2	Правление Имама Шамиля	6,1	Военные действия на территории Чечни	6,7

Продолжение табл. 2

Республика Калмыкия		Республика Дагестан		Астраханская область	
Образование Калмыцкой АССР 1957 г.	3,2	Распад СССР 1991 г.	6,1	Выборы губернатором А. А. Жилкина	6,7
Другое	31,6	Другое	57,4	Другое	60,1

Можно было ожидать, что религиозная идентичность в регионе, где доминирует ислам¹, будет одной из важнейших. Однако она уступает свои позиции вышеобозначенным базисам конструирования идентичности. Причём ниже всего она оценивается респондентами из Туркменистана (4,83). Хотя в дальнейших ответах и фокус-групповых интервью указывается, что приверженность исламу является одной из важных черт национальной идентичности туркмен, однако она все равно заметно уступает гражданской самоидентификации:

- *«первое у меня – “я гражданин Туркменистана”, второе – “я женщина”, третье – “я представитель своей национальности”»* (ФГ-1, Туркменистан);
- *«...Сначала я гражданин Туркменистана, потом мусульманин»* (ФГ-3, Туркменистан);
- *«Я гражданин Туркменистана, в первую очередь. Потому что нас к этому приучают с самого детства, 1 класса»* (ФГ-5, Туркменистан).

Наиболее высоко значимость религиозной идентичности оценивается азербайджанскими респондентами (2,97), что, возможно, объясняется более тесными связями с Турцией. Казахские (3,25) и российские (3,49) респонденты ставят религиозную идентичность в середину корреляционного списка. Причём казахские респонденты (70 %) считают, что в республике нет доминирующей религии, поскольку в недавнем прошлом христианство занимало там прочные позиции². У россиян и азербайджанцев религиозная самоидентификация занимает четвёртое место, у туркмен и казахстанцев – пятое.

Общим же фактором, характерным для респондентов из всех стран, является крайне низкий уровень политической самоидентификации. Практически для всех исследуемых стран базис «Я – представитель определённых политических взглядов» занимает позицию аутсайдера. Это можно объяснить несменяемостью политических элит, превалированием одного политического курса и взглядов в течение долгого времени, а также важностью демонстрации именно гражданской идентичности (молодые государства). Исключением является Азербайджан, где политическая самоидентификация занимает предпоследнее место. Внизу иерархии находится советская идентификация.

Анализируя более подробно ответы респондентов из российских регионов Прикаспия, можно отметить, что наибольший уровень гражданской самоидентификации демонстрируется в Астраханской области. По мнению авторов, это связано с исторической полиэтничностью и поликультурностью данного региона, в котором единственным объединяющим фактором могла выступать приверженность государству (см. табл. 2). Также для респондентов из Астраханской области свойствен крайне низкий уровень религиозной самоидентификации (несмотря на обширную конфессиональную «палитру»), а также меньший уровень «аполитичности», чем в остальных регионах российского Прикаспия.

¹ Более 70 % – в Казахстане, более 90 % – в Туркменистане, более 95 % – в Азербайджане, около 95 % – в Республике Дагестан и около 40 % – в Астраханской области

² Согласно переписи 2009 г., в Республике Казахстан 26,17 % населения исповедовали христианство [5].

Таблица 3 – Иерархия базисов конструирования идентичности
в регионах Российского Прикаспия

Утверждение	Степень важности (ранг)		
	Республика Калмыкия	Республика Дагестан	Астраханская область
Я – россиянин	2,02	2,57	1,42
Я – советский человек	4,79	4,54	4,11
Я – житель своего региона (например, Я – житель Астраханской области / Респуб- лики Калмыкия / Республики Дагестан)	2,69	3,09	2,79
Я – представитель своего народа (этноса)	2,63	3,00	3,32
Я – представитель своей веры (религии)	3,71	2,65	4,63
Я – представитель определенных политиче- ских взглядов (например, Я – коммунист / Я – либерал и др.)	5,16	5,15	4,74

Данные ответы заметно контрастируют с двумя другими регионами российского Прикаспия (Калмыкия, Дагестан), в которых гражданская самоидентификация находится практически на одной позиции с этнической (Калмыкия) и религиозной (Дагестан). Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Этническая самоидентификация калмыков (помимо гражданской) на сегодняшний день играет важную роль в рамках сохранения этнической самобытности и культурного наследия. Согласно данным количественного исследования Л. В. Намруевой, 2017–2020 гг. ($N = 700$) в Республике Калмыкия «с каждым годом наблюдается рост значимости этнической принадлежности» (с 34,2 до 53,6 %) [8] на фоне стабильного снижения населения республики (ежегодный спад с 2015 г. составляет 2–3 тыс. чел.) [12], что также подтверждают данные фокус-групповых интервью:

- «...я представитель своей национальности, самоидентичность как национальности, как народа, важна всегда, в любое время ... потому что он является частью своей культуры, своей истории» (ФГ-3, Калмыкия);

- «... у нас молодое поколение, оно больше ориентировано на этническую самоидентичность, чем, допустим, среднее поколение. Вот я смотрю на своих ровесниках. У нас никто калмыцкий не знает. Не, я-то сама не чистая калмычка, но у меня все друзья калмыки. Вот моего возраста калмыцкий знает, практически никто не знает. Ну так, понимают слова обиходные. А молодёжь, более-менее, по крайней мере, они стремятся. Да, стремятся учить, а средние по крайней мере даже и не хотят учить» (ФГ-4, Калмыкия);

- «Я мужчина, и я калмык, это прям для меня вообще гордо» (ФГ-5, Калмыкия).

Для Республики Дагестан логично было предположить, что религиозная самоидентификация будет одной из лидирующей в иерархии базисов (практически наравне с гражданской), возможно, потому, что в республике наибольший процент религиозного населения среди всех регионов Прикаспия (больше 90 %). Согласно данным нашего исследования, проведённым в апреле 2024 г. в Республике Дагестан, в последние годы наблюдается очередной рост религиозного самосознания, причём зачастую нетрадиционного для республики толка, что вызывает определённое беспокойство у некоторых информантов:

- «Да, динамика религиозная у нас есть, оттенки нетрадиционного дагестанского религиозного ... сейчас очень много молодёжи уезжают учиться в Египет, в Саудовскую Аравию ... а там уже совершенно другие веяния приезжают сюда» (ФГ-3, Дагестан);

- «мы очень обеспокоены тем, что сейчас происходит с молодёжью в Дагестане, и говорят, что будет наоборот, что будет не либерализация, а ещё больший консерватизм. Молодёжь ударилась в религию, притом, с точки зрения людей

старших, не в ту сторону, не с традиционными для Дагестана подходами, а с какими-то пришлыми из арабских стран...» (ФГ-5, Дагестан).

Этническая / национальная самоидентификация

Мы возьмём для более глубокого исследования именно этническую / национальную идентичность, поскольку национальное измерение идентичности с древнейших времен является важнейшей частью процесса самоидентификации. Для Каспийского региона корректно употреблять этот термин через слэш, поскольку для его новых государств речь идёт в основном о национальной идентичности, а для российской мозаичного Прикаспия – вероятнее всего, и о национальной (русской), и об этнической идентичности. И если общая гражданская и национальная идентичности для всех граждан любого государства – это объединяющий фактор, то этническая идентичность – сближающий только в рамках своей этноконфессиональной общности, и таит скрытые риски на государственном уровне, особенно в полиэтничных регионах. Следовательно, в русле национальной, региональной и социетальной безопасности важно понимать, какие факторы формируют данное измерение идентичности прежде всего у населения *русских* регионов Прикаспия¹.

В системе национально-этнической идентичности национальная идентичность для всех субъектов РФ общая. По мнению респондентов, быть россиянином – значит, «родится и вырасти в России» (31,4 %), «воспитываться в традициях и обычаях российской культуры» (21 %) и «честно трудиться во благо России» (15,7 %) (см. табл. 7). В силу этого с родиной ассоциируется прежде всего «Место, где я родился (родилась) и вырос (выросла)» (39,0 %), а затем уже «семья» (17,2 %) и только потом «Государство, в котором я живу» (11,5 %). Вера вообще с родиной слабо идентифицируется (4,7 %) (см. табл. 4). При таком подходе принятие российского гражданства не делает человека россиянином в глазах соотечественников российского Прикаспия.

Таблица 4 – Скажите, с чем у Вас, в первую очередь, ассоциируется слово «Родина»? (Многовариантный вопрос, %)

Вариант ответа	Средневыборочный показатель (в сумме 100 %)			
	Россия	Казахстан	Туркменистан	Азербайджан
Место, где я родился (родилась) и вырос (выросла)	39,0	30,1	51,7	35,8
Территория, на которой я живу	5,7	5,2	6,9	4,9
Государство, в котором я живу	11,5	14,9	17,0	16,0
Моя семья	17,2	17,5	13,3	13,2
Мои традиции и обычаи	10,1	8,9	4,1	13,7
Мои друзья и близкие люди / моё окружение	7,0	7,4	0,9	5,5
Мой язык	3,9	8,9	3,0	6,9
Вера, религия	4,7	4,9	2,6	3,1
Другое	0,2	0,9	-	0,3
Затрудняюсь ответить	0,6	1,4	0,6	0,5

Что касается параметров, формирующих этническую идентичность, то жители российского Прикаспия выделяют три основных параметра: культурные обычаи и традиции (26,5 %), менталитет (19,6 %) и язык (19,3 %) (см. табл. 5), ибо представителем своего этноса можно оставаться вне «страны исхода», в рамках диаспоры, соблюдая традиции, язык и основы менталитета. Менталитет, в свою очередь, формируется именно семьёй (59 %) и дружеским окружением (16,2 %) (см. табл. 6).

¹ В данном случае мы оставим за скобками диспут о конструировании или формировании идентичности.

Таблица 5 – Параметры, формирующие этническую идентичность

Вариант ответа	Средневыборочный показатель (в сумме 100 %)			
	Россия	Казахстан	Туркменистан	Азербайджан
Черты характера, психология	7,5	8,3	9,8	14,6
Особенности поведения	4,2	4,2	11,4	9,2
Менталитет	19,6	16,5	3,5	24,9
Религия	14,2	11,6	13,1	8,4
Культурные традиции, обычаи	26,5	18,4	33,5	20,9
Язык	19,3	21,7	20,0	14,6
Внешний облик	7,0	10,4	3,1	4,4
Различий нет	1,1	6,1	3,3	1,7
Затрудняюсь ответить	0,5	2,8	2,4	1,3

Таким образом, мы видим, что прикаспийский социум России достаточно традиционно ориентирован, несмотря, а может, и в силу того, что он формируется многоголосием этносов и как доминанта, тремя мировыми религиями. Роль традиционной семьи, семейных ценностей и близкого окружения здесь достаточно высока. В целом по региону, религия в этнической самоидентификации, по мнению респондентов, играет не очень высокую роль (14,2 %), за исключением, как мы упоминали выше, населения Дагестана.

Теперь сравним ответы российских респондентов с ответами респондентов из стран Прикаспия. Этническое измерение идентичности респондентов из Азербайджана определяется прежде всего «менталитетом» (24,9 %), затем «культурными обычаями, традициями» (20,9 %) и уже потом «языком» (14,6 %). Религия в этом процессе играет не очень высокую роль, даже меньше, чем в России (8,4 %) (см. табл. 5). Национальный менталитет традиционно формируется «семьей» (47,9 %), но директория «друзья» (10 %) незначительно уступает место «образованию» (11 %) (см. табл. 6). Для азербайджанских респондентов азербайджанцем считается человек, отвечающий целому комплексу параметров, – надо «воспитываться в традициях и обычаях азербайджанской культуры» (21,6 %), «родится и вырасти в АР» (19,3 %) и «добросовестно трудится на её благо» (18,6 %). Высоко оценивается также «общность по крови» (17,6 %). И только 2,5 % респондентов ответили, что достаточно «просто проживать в республике». (см. табл. 7). Поэтому «Родина» для азербайджанских респондентов ассоциируется с «местом рождения и становления» (69,5 %), с понятием «Государство, в котором я живу» (31,1 %), а также «Мои традиции и обычаи» (26,5 %) (см. табл. 4).

У респондентов из Казахстана этническое измерение определяется прежде всего «языком» (21,7 %), затем «культурными обычаями и традициями» (18,4 %) и «менталитетом» (16,5 %). Вариант «религия» находится на четвёртом месте (11,6 %) (см. табл. 5). Так же как и у россиян, на национальный менталитет респондентов влияет прежде всего ближний круг – «семья» (43,3 %) и «друзья» (15,6 %) (см. табл. 6). Так же как и в России, понятие «казахстанец» несёт не столько этнический, сколько гражданский смысл. Во-первых, это тот, кто «родился и вырос в Казахстане» (28,1 %), «тот, кто честно трудится во благо РК» (23,3 %) и «тот, кто воспитывался в традициях и обычаях казахской культуры» (14,2 %) (табл. 7). С понятием «Родина» ассоциируется, во-первых, «место, где я родился (родилась) и вырос (выросла)» (30,1 %), во-вторых, «моя семья» (17,5 %), в-третьих, «государство, в котором я живу» (14,9 %) (см. табл. 4).

У респондентов из Туркменистана этническое измерение идентичности определяется прежде всего «обычаями и традициями» (33,5 %), «языком» (20 %) и «религией» (13,1 %). Стоит отметить, что только в Туркменистане религия входит в тройку важнейших факторов (см. табл. 5). На национальный менталитет влияют те же самые первичные и вторичные агенты социализации – «родители и семья» (45,3 %), а также

«друзья и близкие люди» (11,0 %) (см. табл. 6). Директория «быть туркменом» включает три основных параметра – «Тот, кто родился и вырос в Туркменистане» (35,3 %), «Тот, кто воспитывался в традициях и обычаях туркменской культуры» (21,1 %), «Тот, для кого туркменский язык является родным» (13,6 %) (см. табл. 7). В силу этого «Родина» у туркменских респондентов ассоциируется с местом рождения и взросления (51,7 %), государством (17 %) и семьей (13 %) (см. табл. 4).

Таблица 6 – Что (кто) больше всего влияет на Ваш национальный менталитет? (%)

Вариант ответа	Россия	Казахстан	Туркменистан	Азербайджан
Родители, семья	59,2	43,3	45,3	47,9
Друзья, близкие люди	16,2	15,6	11,0	10,4
Учебные заведения, организация, в которой Вы обучаетесь / работаете	4,4	3,3	4,9	11,0
Национальные деятели	5,7	4,4	1,6	7,6
Блогеры в социальных сетях	0,9	1,1	3,6	1,2
Религиозные институты (мечеть, церковь, синагога и др.)	3,9	2,2	3,2	2,4
СМИ	1,3	3,3	1,6	3,7
Другое	1,3	6,1	0,6	2,4
Затрудняюсь ответить	7,0	20,6	28,2	13,4

Таблица 7 – Кого бы Вы могли назвать гражданином вашей страны? (Многовариантный вопрос, %)

Вариант ответа	Средневыборочный показатель (в сумме 100 %)			
	Россия	Казахстан	Туркменистан	Азербайджан
Того, кто родился и вырос в моей стране	31,4	28,1	35,3	19,3
Того, кто воспитывался в традициях и обычаях моей культуры	21,0	14,2	21,1	21,6
Того, кто гражданин по происхождению / по крови ¹	–	7,1	11,6	17,6
Того, для кого мой язык является родным	8,6	6,0	13,6	7,5
Того, кто честно трудится во благо моей страны	15,7	23,3	4,7	18,6
Того (ту), кто считает себя жителем моей страны	10,9	11,9	6,9	11,4
Того, кто проживает на территории моей страны	10,9	7,7	4,3	2,5
Другое	0,4	0,6	–	0,3
Затрудняюсь ответить	1,0	1,1	2,4	1,2

Выводы

Анализ полученных данных позволяет выявить следующие закономерности:

1. У всех групп респондентов из стран постсоветского Прикаспия доминирует гражданское измерение идентичности, которое ассоциируется в первую очередь с территориальной самоидентификацией, что говорит о важности процессов государственного и национального строительства.

¹ Вариант ответа «Того, кто гражданин по происхождению / по крови» среди респондентов из России представлен не был.

2. Вторым по значимости измерением практически у большинства респондентов является национальная / этническая идентичность, которая, главным образом, формируется посредством традиционных культурных ценностей, национального менталитета и языка.

3. На формирование национального менталитета респондентов влияние оказывает первичные и вторичные агенты социализации: родители и семья, а также друзья и близкие люди.

Религия, которая могла бы выступать главным консолидирующим фактором для жителей постсоветских стран Прикаспия, не является, по мнению респондентов, основным базисом формирования идентичности, хотя в отдельных регионах, таких как Дагестан, её влияние (в последнее десятилетие при посредничестве стран арабского мира), резко усилилось.

Возможным объединяющим фактором для постсоветского пространства Прикаспия мог бы стать язык (русский язык во времена СССР успел стать родным для значительной доли граждан указанных республик, а также являлся языком межкультурного общения), однако без регулярного внимания к этому вопросу России на протяжении последних десятилетий, он постепенно вытесняется турецким и английским языками, что подтверждают наши предыдущие исследования [15; 16], а растущие различия в культурно-бытовых традициях только усиливают тенденции к дезинтеграции каспийского общества.

Тем не менее тот факт, что иерархия идентичностей населения постсоветского Прикаспия в целом аналогична, а значимое место в формировании национальных / этнических идентичностей занимают факторы глубокого укоренения на данных территориях (родиться и вырасти), культурные обычаи и традиции, специфика национального менталитета, даёт надежду, что в быстро меняющемся глобальном мире нас будет объединять сам факт приверженности земле, традициям и семейным ценностям.

Список литературы

1. Акулич, М. М. Прологомены к социологии идентичности: истоки, проблемы, типология / М. М. Акулич, Н. А. Галактионова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 31 (212). – С. 101–105.
2. Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология / И. З. Герштейн, М. А. Казаков // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 36–42.
3. Дробичева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробичева // Россия реформирующаяся. – Москва : Ин-т социологии РАН, 2008. – Вып. 7. – С. 214–228.
4. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. – Москва : Весь мир, 2023. – 512 с.
5. Итоги Национальной переписи населения 2009 г. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/> (дата обращения: 01.11.2024).
6. Кожанов, И. В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости / И. В. Кожанов // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 193.
7. Лубенец, Е. В. Нацстроительство в Казахстане в условиях авторитаризма: путь к этнократии? / Е. В. Лубенец // Власть. – 2023. – Вып. 31 (4). – С. 261–267.
8. Намруева, Л. В. Изменяющаяся идентичность современных калмыков (анализ анкетных опросов 2017, 2020 гг. в Калмыкии) / Л. В. Намруева // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. – 2020. – № 1. – С. 196–203.
9. Романова, А. П. Политики идентичности на постсоветском Прикаспийском пространстве (по результатам социологических исследований) / А. П. Романова // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2023. – С. 491–492.
10. Тишков, В. А. Концепция воспитания гражданской идентичности российской молодежи / В. А. Тишков, А. Я. Данилюк. – Пермь : ИЭА РАН, 2015. – С. 4–5.

11. Упоров, И. В. Ностальгия по СССР – тема, все чаще обсуждаемая в соцсетях / И. В. Упоров // Заметки учёного. – 2022. – № 1–2. – С. 44–48.
12. Управление ФСГС по Астраханской области и Республике Калмыкия. – URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/35673> (дата обращения: 17.10.2024).
13. Цветкова, И. В. Типология региональной идентичности населения (на примере Самарской области) / И. В. Цветкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 71–87. – doi: 10.21685/2072-3016-2020-2-8.
14. Цельковский, А. А. Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России / А. А. Цельковский // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 35–39. – doi: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39.
15. Черничкин, Д. А. Социокультурные тренды языковой политики в Республике Казахстан / Д. А. Черничкин // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 1 (32). – С. 226–235. – doi: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_226.
16. Черничкин, Д. А. Языковая ситуация в современном Туркменистане / Д. А. Черничкин // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. – 2023. – Т. 3, № 4. – С. 38–58. – doi: 10.54398/2713024X_2023_3_4_38.
17. Шергалиева, М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская / М. Т. Шергалиева // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 33. – С. 100–105.
18. Bianchi, M. What do you Mean by “European”? Evidence of Spontaneous in Group Projection / M. Bianchi and etc. // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2010. – Iss. 36 (7). – P. 960–974. – doi: 10.1177/0146167210367488.
19. Davis, T. C. Revisiting group attachment: Ethnic and national identity / T. C. Davis // Political Psychology. – 1999. – Iss. 20 (1). – P. 25–47.
20. Phinney, J. S. Identity development in multiple cultural contexts / J. S. Phinney, O. A. Balde-lomar, L. A. Jensen // Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 161–185. – doi: 10.1093/acprof:oso/9780195383430.003.0008.

References

1. Akulich, M. M. Prolegomeny k sotsiologii identichnosti: istoki, problemy, tipologiya [Prolegomena to the Sociology of Identity: Origins, Problems, Typology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010, no. 31 (212), pp. 101–105.
2. Gershteyn, I. Z., Kazakov, M. A. Natsionalno-gosudarstvennaya identichnost: istoricheskaya evolyutsiya modeley i sovremennaya tipologiya [National-state identity: historical evolution of models and modern typology]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2016, no. 6, pp. 36–42.
3. Drobizheva, L. M. Natsionalno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost: problemy pozitivnoy sovmestimosti [National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under reform]. Moscow: Institut of Sociology of the RAS; 2008, iss. 7, pp. 214–228.
4. Semenenko, I. S. *Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika. Nove kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: personality, society, politics. New contours of the research field]. Moscow: Ves mir; 2023, 512 p.
5. *Results of the 2009 National Population Census*. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/> (accessed: 01.11.2024).
6. Kozhanov, I. V. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti [Civil and ethnic identity of the individual: the problem of interrelation and interdependence]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2013, no. 3, p. 193.
7. Lubenets, E. V. Natsiestroitelstvo v Kazakhstane v usloviyakh avtoritarizma: put k etnokratii? [Nation-building in Kazakhstan under authoritarianism: the path to ethnocracy?]. *Vlast* [Power]. 2023, iss. 31 (4), pp. 261–267.
8. Namrueva, L. V. *Izmenyayushchayasya identichnost sovremennykh kalmykov (analiz anketnykh oprosov 2017, 2020 gg. v Kalmykii)* [The Changing Identity of Modern Kalmyks (Analysis of 2017, 2020 Questionnaire Surveys in Kalmykia)]. *Byulleten Kalmyckogo nauchnogo tsentra*

Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020, no. 1, pp. 196–203.

9. Romanova, A. P. Politiki identichnosti na postsovetском Prikaspiyskom prostranstve (po rezultatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Identity Politics in the Post-Soviet Caspian Region (Based on the Results of Sociological Research)]. *Politicheskaya nauka v menyayushchemsya mire: novye praktiki i teoreticheskiy poisk* [Political Science in a Changing World: New Practices and Theoretical Search]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2023, pp. 491–492.

10. Tishkov, V. A., Danilyuk A. Ya. *Konceptsiya vospitaniya grazhdanskoй identichnosti rossiyskoy molodezhi* [The concept of educating the civic identity of Russian youth]. Perm: IEA RAS; 2015, pp. 4–5.

11. Uporov, I. V. Nostalgiya po SSSR – tema, vse chashche obsuzhdaemaya v sotssetyakh [Nostalgia for the USSR is a topic that is increasingly discussed on social networks]. *Zametki uchenogo* [Notes of a scientist]. 2022, no. 1–2, pp. 44–48.

12. *FSGS Administration for the Astrakhan Region and the Republic of Kalmykia*. Available at: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/35673> (accessed: 17.10.2024).

13. Tsvetkova, I. V. Tipologiya regionalnoy identichnosti naseleniya (na primere Samarskoy oblasti) [Typology of regional identity of the population (on the example of the Samara region)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]. 2020, no. 2 (54), pp. 71–87, doi: 10.21685/2072-3016-2020-2-8.

14. Tselykovskiy, A. A. Nostalgiya po SSSR: obrazy sovetskoy epokhi v mediynoy i politicheskoy praktike sovremennoy Rossii [Nostalgia for the USSR: Images of the Soviet Era in Media and Political Practice in Contemporary Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"* [News of Saratov University. New series. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. 2023, vol. 23, no. 1, pp. 35–39, doi: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39.

15. Chernichkin, D. A. Sotsiokulturnye trendy yazykovoy politiki v Respublike Kazakhstan [Sociocultural trends of language policy in the Republic of Kazakhstan]. *Verhnevolzhskiy filologicheskiiy vestnik* [Upper Volga Philological Herald]. 2023, no. 1 (32), pp. 226–235, doi: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_226.

16. Chernichkin, D. A. Yazykovaya situatsiya v sovremennom Turkmenistane [The language situation in modern Turkmenistan]. *Caspium Securitatis: zhurnal kaspiskoy bezopasnosti* [Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security]. 2023, vol. 3, no. 4, pp. 38–58, doi: 10.54398/2713024X_2023_3_4_38.

17. Shergaliev, M. T. K metodologii problemy identichnostey: sotsialnaya, lichnaya, etnicheskaya i grazhdanskaya [Towards a methodology of the problem of identities: social, personal, ethnic and civil]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The value system of modern society]. 2014, no. 33, pp. 100–105.

18. Bianchi, M. and etc. What do you Mean by "European"? Evidence of Spontaneous in Group Projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010, iss. 36 (7), pp. 960–974, doi: 10.1177/0146167210367488.

19. Davis, T. C. Revisiting group attachment: Ethnic and national identity. *Political Psychology*. 1999, iss. 20 (1), pp. 25–47.

20. Phinney, J. S., Baldelomar, O. A., Jensen, L. A. Identity development in multiple cultural contexts. *Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy*. Oxford: Oxford University Press; 2011, pp. 161–185, doi: 10.1093/acprof:oso/9780195383430.003.0008.

Информация об авторах

Романова А. П. – доктор философских наук, профессор;

Черничкин Д. А. – научный сотрудник;

Рогов А. В. – руководитель Центра социологических исследований.

Information about the authors

Romanova A. P. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor;

Chernichkin D. A. – Researcher;

Rogov A. V. – Head of the Center for Sociological Research.

Вклад авторов

Романова А. П. – научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста, научное редактирование статьи;

Черничкин Д. А. – разработка концепции исследования, обработка и анализ материала, итоговые выводы;

Рогов А. В. – обработка и анализ данных практического исследования, доработка текста.

Contribution of the authors

Romanova A. P. – scientific supervision, development of the research concept, substantiation of the article's purpose, writing the original text, scientific editing of the article;

Chernichkin D. A. – development of the research concept, processing and analysis of the material, final conclusions;

Rogov A. V. – processing and analysis of practical research data, finalization of the text.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 06.12.2024; принята к публикации 27.12.2024.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 06.12.2024; accepted for publication 27.12.2024.